

Revue des études slaves

XC 1-2 | 2019
Les révolutions russes de 1917
Enjeux politiques et artistiques

ПАМЯТЬ О «НЕИСПОЛЬЗОВАННОМ» ЮБИЛЕЕ 100- ЛЕТИЕ РЕВОЛЮЦИИ В ВОСПРИЯТИИ ЖИТЕЛЕЙ РОССИИ

Les Russes et la mémoire “inutilisée” du centenaire de la Révolution
The Memory of an “unused” Centenary of the Revolution in the Perception of the
Russian Population

Boris Kolonitskii et Maria Matskevich

Édition électronique

URL : <http://journals.openedition.org/res/2793>
DOI : 10.4000/res.2793
ISSN : 2117-718X

Éditeur

Institut d'études slaves

Édition imprimée

Date de publication : 20 juillet 2019
Pagination : 17-29
ISBN : 978-2-7204-0560-0
ISSN : 0080-2557

Référence électronique

Boris Kolonitskii et Maria Matskevich, « Память о «неиспользованном» юбилее 100-летия революции в восприятии жителей России », *Revue des études slaves* [Онлайн], XC 1-2 | 2019, Выложить онлайн 20 juillet 2020, Наводить справки в 10 décembre 2020. URL : <http://journals.openedition.org/res/2793> ; DOI : <https://doi.org/10.4000/res.2793>

Revue des études slaves

ПАМЯТЬ О «НЕИСПОЛЬЗОВАННОМ» ЮБИЛЕЕ 100-летие революции в восприятии жителей России

Boris KOLONITSKII

Université européenne, Saint-Pétersbourg

Maria MATSKEVICH

Académie des sciences, Saint-Pétersbourg

Столетие Российской революции стало важным информационным поводом не только для российских СМИ – журналисты разных стран внимательно следили за высказываниями политиков, религиозных и общественных деятелей, за новыми книгами историков и писателей, за музейными выставками и интернет-проектами, за научными конференциями и театральными постановками. СМИ проявляли интерес к экспертам, особое внимание уделяя историкам, у них брали интервью, приглашали участвовать в радио- и телевизионных передачах.

Объектом изучения юбилей Российской революции стал даже еще до начала 2017 года, некоторые исследователи попытались прогнозировать возможные сценарии использования юбилея. Один из авторов настоящей статьи опубликовал статью, в которой он, основываясь на имеющиеся тенденции реализации российских мемориальных проектов, высказал некоторые свои предположения¹. Большая их часть подтвердилась.

Можно было с уверенностью предвидеть официальное декларирование курса на «примирение» между потомками участников гражданской войны, и неудачу подобного курса. Действительно, в послании Федеральному собранию в декабре 2016 года президент Российской Федерации В. В. Путин призвал использовать юбилей для «примирения, для укрепления общественного, политического, гражданского согласия»². Призыв президента

1. B. Kolonitskii, «Unpredictable Past: Politics of Memory and Commemorative Culture in Contemporary Russia», *1917: Revolution (Russia and the Consequences)*, Deutsches Historisches Museum and the Schweizerisches Nationalmuseum, Dresden, Sandstein Verlag, 2017, p. 155-167.

2. Послание Президента РФ В. В. Путина Федеральному Собранию, 01.12.2016 г., Сайт Президента России, kremlin.ru/events/president/news/53379 (доступ 16.09.2018).

воспроизводили многие политики, журналисты, исследователи, мы полагаем, что некоторые из них могли быть вполне искренними – в обществе ощущается некий запрос на компромисс. Однако, не было никаких значимых официальных церемоний, которые бы символически оформляли подобный курс. Показательно, что проект возведения памятника примирения в Крыму, который лоббировали некоторые высокопоставленные чиновники, прежде всего министр культуры В. Р. Мединский, не был реализован³.

Легко можно было предсказать «партийную» (коммунистическую, либеральную, консервативную, националистическую, имперскую) позицию оценки революции: некоторые политики воспроизводят ее на протяжении десятилетий. «Партийной» продолжает быть и позиция многих историков, часть которых выражает симпатии к различным деятелям революции и гражданской войны, а иногда и отождествляют себя с их позицией, используя язык эпохи как язык описания эпохи.

Свою инерцию имела и сложившаяся традиция конспирологической интерпретации революции. Если в 1990 году по данным опросов общественного мнения лишь 6 % жителей страны полагали, что причиной революции был «заговор врагов русского народа», то в 1997 году такое мнение разделяли уже 11 %. Последующие опросы давали примерно такую же цифру. Можно было с уверенностью предсказать, что и в год юбилея «теории» заговоров получают дальнейшее распространение. Действительно, опросы показали, что в некоторых случаях такую интерпретацию истории революции предпочли до 20 % опрошиваемых⁴.

Можно было предвидеть, что профессиональные историки не окажут большого воздействия на ход юбилея. Этот прогноз также оправдался, хотя в комитет, созданный правительством для координации юбилейных мероприятий и их финансирования, входили некоторые историки, руководители больших научных коллективов. Власть в данном случае внешне демонстративно отказалась выносить суждения о прошлом, предоставив это право специалистам, а не чиновникам (хотя при оценке других событий прошлого ситуация была иной: высшие представители власти не упускали случая судить об истории – когда это было выгодно)⁵. Однако, несмотря

3. Н. Исаева, Б. Кашихин, «Белые и красные объединились против “Примирения” в Севастополе», *Примечания*, primechaniya.ru/home/news/avgust_2017/belye_i_krasnye_obedinilis_protiv_primireniya_v_sevastopole, 10.08.2017 (доступ 16.09.2018) ; А. Яловец, «Мемориал героев вместо Памятника примирения. Путин поставил крест на проекте Овсянникова?», *Накануне*, nakanune.ru/articles/113196/, 23.08.2017 (доступ 16.09.2018).

4. «Октябрьская революция», пресс-выпуск Левада-Центра, levada.ru/2017/04/05/oktyabrskaya-revolutsiya-2/, 5.04.2017 (доступ 16.09.2018).

5. Высказывается предположение, что позиция «невмешательства», занятая властями, создала благоприятные условия для общественной и академической дискуссии относительно революции (А. Миллер, *Валдайская записка* № 81, «Революция 1917 года: История, память, политика», ru.valdai-club.com/a/valdai-papers/valdayskaya-zapiska-81/ (доступ 16.09.2018) ; П. Котляр, «Профессор Кембриджа Доминик Ливен о шансах Российской империи на выживание и схожести шагов Горбачева с реформами Александра II», *Деловой Петербург*, dp.ru/a/2017/11/03/Professor_Kembridzha_Domin, 03.11.2017 (доступ

на всю активность академического сообщества в 2017 году, несмотря на обилие конференций и «круглых столов», научных работ и публикаций, появившихся в год юбилея, историки не смогли спровоцировать какую-либо важную общественную дискуссию.

Не удалось предсказать другое: мало кто мог предвидеть слабое использование юбилея властью, особенно это заметно по сравнению с годовщинами Отечественной войны 1812 года, начала Первой мировой войны и памятными датами Второй мировой войны. Не было общегосударственных церемоний, посвященных революции, не было открытия памятников государственного значения, не было выпуска юбилейных монет – все это сопровождало другие юбилеи. Журналисты писали в 2017 году о «тихом юбилее» и «молчании» власти. Никто, пожалуй, не предвидел, что государство до такой степени попытается отстраниться от юбилея. Политолог О.Малинова, например, предвидела, что юбилей станет для власти «неудобным» (это слово действительно повторялось в 2017 году весьма часто), но все же она предполагала, что «... надвигающийся юбилей вынуждает властвующую элиту вернуться на арену символической борьбы, поскольку масштаб события не позволяет отказаться от его коммеморации»⁶. Этот прогноз не подтвердился, действия властей, которые воспринимались как бездействие, вряд ли можно назвать коммеморацией. Следует признаться, что и авторы этой статьи в начале 2017 года предполагали, что столетию революции будет уделено большее внимание.

Впрочем, не только власть не использовала юбилей. Деятели оппозиции критиковали власть за «молчание», но и сами не использовали ресурс юбилея для мобилизации своих сторонников, не предложили свои альтернативные мемориальные проекты.

Уже в 2017 году юбилей стали исследовать политологи и историки, социологи и антропологи. Появились интересные статьи, даже целые сборники статей, описывающие различные аспекты юбилея⁷. В качестве

16.09.2018). Вряд ли отстранение властей от юбилея можно объяснить заботой о свободе научных дискуссий, хотя историки революции, насколько можно судить, действительно не испытывали цензуры, а немало конференций и семинаров, выставок и спектаклей получили финансовую государственную поддержку. Правда, в экспертных интервью, взятых нами у социологов, встречалось и мнение, что власти сдерживали широкое публичное обсуждение событий столетней давности или даже препятствовали ему. Возможно, профессиональные дискуссии историков представлялись менее опасными.

6. О. Малинова, «Неудобный юбилей: Итоги переосмысления “мифа основания” СССР в официальном историческом нарративе РФ», *Political Science (RU)*, № 3, 2017, с. 15.

7. Д. Андреев, Г. Бордюгов, «Столетие революции в России. Мониторинг общественного мнения и исторического сознания 2017 года: Историографические разработки АИРО-XXI: трансформация образов революций 1917 года под окуляром профессионалов», gefter.ru/archive/21178 (доступ 16.09.2018; И. Калинин, «2017-й: Призрак революции», *Полит.ру*, polit.ru/article/2017/11/09/revolution/, 9.11.2017 (доступ 16.09.2018); Малинова, «Неудобный юбилей: Итоги переосмысления...», с. 13-40; А. Миллер, *Валдайская записка* № 81...; *Революция-100: Реконструкция юбилея*, ред. Геннадий Бордюгов, М., АИРО-XXI, 2017; Ilya Kalinin, «The Spectre of Revolution. How Putin will be Commemorating 1917», *Times Literary Supplement*, № 5942.

основных источников исследователями использовались официальные выступления государственных и общественных деятелей, информационные сообщения СМИ и публицистика, опросы общественного мнения. Некоторые исследования были специально посвящены фильмам, театральным постановкам, выставкам. После завершения юбилейного года интерес к теме революции и ее юбилея стал снижаться. Можно теперь поставить вопрос о том, как жители современной России оценивают те публичные мероприятия, художественные произведения, тексты 2017 года, которые в своей совокупности и позволяют составить представление о мемориальных проектах юбилейного года. Имеющаяся уже временная дистанция позволяет получить более точное представление о масштабе события.

КАК ВОСПРИНИМАЕТСЯ И ВСПОМИНАЕТСЯ ЮБИЛЕЙ РЕВОЛЮЦИИ

В настоящей статье мы и попытаемся рассмотреть этот вопрос, а это позволит высказать предположение относительно эффективности символической политики участников политического процесса, относительно значимости других мемориальных проектов юбилейного года, осуществлявшихся институтами гражданского общества, писателями, деятелями кино, разными творческими объединениями и т.п.

В своем исследовании мы исходим из того, что любой юбилей является важным ресурсом для очень разных акторов. Во время юбилеев появляется возможность реализовать различные мемориальные проекты политического, общественного, коммерческого характера: общество заранее «настраивается» на восприятие соответствующей информации, ожидает некоторых значимых информационных посланий. В это время появляются и дополнительные возможности для финансирования различных инициатив, их общественной и государственной поддержки, все это прекрасно ощущают чиновники, администраторы и предприниматели, которые загодя лоббируют проекты, связанные со значимыми годовщинами. При этом возможности юбилея как ресурса заранее сложно оценить. Например, ощутимые финансовые инвестиции могут и не привести ожидаемого эффекта. Юбилей 2017 года это подтверждает. Генеральный директор «Первого канала» российского телевидения Константин Эрнст сообщил британскому журналисту, что фильмы и передачи, подготовленные его каналом, не вызвали ожидаемой реакции у зрителей, не привлекли того интереса, на который рассчитывали он и его коллеги⁸. Между тем в производство

academia.edu/31755258/The_Spectre_of_Revolution_How_Putin_will_be_Commemorating_1917_Times_Literary_Supplement_5942. 19.02.2017, 19.02.2017 (доступ 16.09.2018); Ivan Kurilla, «History and Memory in Russia During the 100-Year Anniversary of the Great Revolution», *PonarsEurasia Policy Memo 503*, Jan. 2018, ponarseurasia.org/memo/history-and-memory-russia-during-100-year-anniversary-great-revolution (доступ 16.09.2018).

8. Shaun Walker, «Revolution, what revolution? Russians show little interest in 1917 centenary», *The*

этих передач и фильмов были вложены значительные средства, а решения о подобных инвестициях наверняка принимались задолго до юбилейного года.

В то же время возможность использовать юбилей даже самыми влиятельными акторами всегда ограничена, ибо людские и финансовые ресурсы, необходимые для реализации мемориальных проектов, также ограничены. Существующая мемориальная инфраструктура – памятники и памятные знаки, городская культурная топография и городская топонимика, распространенные, широко известные тексты, содержащие историческую информацию – все это также влияет на возможность реализации мемориальных проектов, при этом наличная мемориальная инфраструктура может перекодироваться, менять знак, а может и игнорироваться. Образование адресатов информационных посланий, прежде всего уровень исторических знаний, имеющиеся оценки прошлого также влияют на эффективность действий «пользователей» юбилея.

Вместе с тем мы полагаем, что юбилей является таким ресурсом, который невозможно полностью монополизировать. Даже в «закрытых» обществах юбилей использовались для лоббирования различных общественных интересов, для важных общественных заявлений, не всегда соответствующих намерениям властей.

Для решения нашей исследовательской задачи мы не можем не привлечь различные, дополняющие друг друга опросы общественного мнения. Этот интересный и важный источник подчас критикуется, поставленные вопросы неизбежно ограничивают характер высказывания, нередко содержат «подсказки», содержащиеся в формулировках вопросов. К тому же организаторы опросов порой являются заложниками своих предшественников: они вынуждены повторять формулировки, сложившиеся несколько десятилетий тому назад, хотя оценка исторических событий исследователями, а иногда и общественным мнением, могла существенно измениться.

Мы пытаемся дополнить данные об опросах общественного мнения материалами фокусированных полуструктурированных интервью, взятыми нами у экспертов. Одним из способов отбора информантов был метод «снежного кома». К моменту подготовки данной статьи у нас расшифрованы аудиозаписи 30 интервью. В настоящее время рекомендации экспертов следующих участников начали повторяться и включали тех информантов, интервью с которыми уже состоялись. Наши информанты – те, кто использовал юбилей для реализации своих инициатив, условно их можно назвать «пользователями» юбилеев, хотя эта формулировка не точна: прошедший юбилей невозможно представить без их деятельности, поэтому

они были и творцами юбилея. Среди наших собеседников – писатели, выпустившие свои книги о революции, директора книжных магазинов, эти книги продававшие, литературные критики, профессионально оценивавшие книжную продукцию, журналисты, музейные работники, общественные деятели. Кроме этих «пользователей юбилея», в числе информантов – профессиональные аналитики: историки, социологи, политологи, философы, которые неизбежно воспринимали юбилей через призму своих профессиональных взглядов, а иногда и оценивали его публично.

Гайд интервью был составлен таким образом, что в начале у наших информантов была возможность свободно высказаться на тему юбилея, затем задавались уточняющие вопросы. Также гайд содержал блок вопросов, предлагавших информантам прокомментировать реакцию людей на опросы общественного мнения.

Мы не можем считать свое исследование вполне законченным, нам хотелось бы взять больше интервью, включить представителей иных профессий. Однако и на данном этапе мы можем сформулировать предварительные выводы: маловероятно, что новые источники, новые интервью существенно изменят их.

ПРЕДВАРИТЕЛЬНЫЕ ВЫВОДЫ

«Неиспользование»

Жители России, вспоминая 2017 год, редко называли юбилейные мероприятия. В открытом вопросе Фонда общественное мнение (ФОМ) среди главных событий, произошедших в России, «столетие Октябрьской революции» упомянули только 2 % – столько же, сколько и «спортивные события», и значительно меньше лидирующей позиции (11 %) – событий в Сирии⁹. Аналогичные результаты были получены и Левада-центром, вне зависимости от того, задавался ли вопрос в открытой (респондент сам называл варианты) или в закрытой форме (карточка с возможными ответами). Столетие революции не собрало более 2 % упоминаний, если респондент называл событие сам (можно было выбрать несколько событий). Особенно показательно, что даже в случае подсказки (карточки со списком) юбилей не выдерживал конкуренции с актуальными политическими, общественными и личными событиями: он не вошел даже в двадцатку наиболее популярных ответов¹⁰. Опрошенные нами эксперты также были согласны с тем, что юбилей не стал важным и интересным общественным событием.

9. «2017-й: событие года в стране и в мире. Главные события уходящего года», Фонд «Общественное мнение», fom.ru/TSennosti/13905, 29.12.2017 (доступ 16.09.2018).

10. «Важнейшие события 2017 года», *Левада-Центр*, levada.ru/2018/02/01/vazhnejshie-sobytiya-2017-goda/, 01.02.2018 (доступ 16.09.2018).

Некоторые наши информанты утверждали, что они и не ожидали каких-либо интересных / значимых событий в юбилейный год. Некоторые респонденты признавались, что они и не думали о юбилее: «Я как-то вообще не привык думать юбилеями, у нас как-то это все в советское время намертво отбило эту идею...» (мужчина, писатель, 70 лет). Другие наши собеседники утверждали, что они предвидели его неиспользование, поэтому они и не ожидали интересных проявлений памяти о революции: «не было никаких ожиданий... абсолютно» (мужчина, историк, 64 года); «особых ожиданий не было» (мужчина, социолог, 35 лет); «никаких ожиданий» (мужчина, литературовед, 59 лет); «ожиданий как таковых не было» (мужчина, журналист, 48 лет). Правда, никто из них, насколько нам известно, в начале 2017 года не сделал такой прогноз публично – в виде статьи, интервью и т.п. Нельзя исключать того, что такие оценки сделаны ретроспективно. Другие наши собеседники были разочарованы тем, как проходил юбилей, они ожидали каких-то заметных событий, посвященных столетию революции: «торжественное заседание», «доклад Путина», «год особый, общественный резонанс». Обе группы информантов объединяет ощущение того, что юбилей не был использован: «верх безобразия и непрофессионализма» (муж., историк, 64 года); «не произошло, такой кульминации всего...» (муж., антрополог, 52 года); «...попытались [найти] какой-то срединный путь в духе «примирения и согласия», но... не особенно убедительный» (муж., журналист, 48 лет); «фактически революционную тему, ее просто заглушили, она вообще не обсуждалась..., столетие...обсуждалось только в рамках конференций историков, коих было много, но в общественный дискурс это не вошло» (муж., социолог, 60 лет); «было принято, наверное, адекватное для власти решение – просто игнорировать, делать вид, что никакого юбилея не существует» (муж., литературный критик, 44 года); старый нарратив исчерпан, а новый не возник – «просто сказать нечего» (муж., философ, 60 лет); «степень интереса [к теме юбилея и революции], мне казалось, что будет больше (жен., сотрудник музея, 50 лет).

Суждения, высказанные в интервью, как мы уже видели, подтверждаются и данными опросов общественного мнения. Столетие революции и мероприятия, его сопровождавшие, довольно быстро стали забываться жителями России. Все это подтверждает верность наблюдений тех исследователей юбилея, которые также писали о его «неиспользовании».

Большая часть опрашиваемых нами экспертов ответственность на «неиспользование» юбилея возлагали на государство, его руководителей. Именно от государства ожидали они соответствующих инициатив (в этом отношении многие опрашиваемые нами эксперты высказывали суждения, близкие к тем, которые содержались в работах исследователей юбилея). Порой требовались дополнительные вопросы, чтобы опрашиваемые вспом-

нили случаи участия негосударственных структур в реализации мемориальных проектов. О них наши респонденты вспоминали после уточняющих вопросов. Люди самых разных взглядов, похоже, согласны с тем, что только государство могло – но не пожелало – использовать юбилей полноценно, роль остальных акторов воспринимается как вторичная, незначительная. Подобная этатизация общественного сознания, возможно, отражает современную ситуацию, в которой роль государства является гипертрофированно большой, но, возможно, она свидетельствует и о том, что и политическая оппозиция, и гражданское общество, и коммерческие структуры не смогли в полной мере воспользоваться ресурсом юбилея, не смогли реализовать свой успешный мемориальный проект. В то же время, сегодня в России не наблюдается сопоставимых по возможностям влияния (в т.ч. на гражданские и политические процессы) политических или общественных акторов. О роли государства писали и исследователи юбилея, в том числе и те, кто публично озвучивали свою позицию уже в 2017 году. Однако, в данном случае мы вряд ли можем говорить о том, что опрашиваемые нами эксперты сформулировали свою позицию под воздействием СМИ, наши информанты достаточно критично воспринимают информационные послания, как правило, они гордятся независимостью своих суждений.

«Невмешательство» государства

Среди наших информантов существуют разногласия относительно тех причин, которыми руководствовались государственные деятели, деклариовавшие свое «невмешательство» в организацию юбилея. Некоторые эксперты говорили об опасениях политического свойства: дискуссии о революции в прошлом могут-де спровоцировать революцию сегодня. В связи с этим стоит напомнить, что накануне юбилея некоторые обозреватели говорили о возможности революционного взрыва в 2017 году¹¹, можно предположить, что власти отнеслись к пророчествам профессиональных аналитиков весьма серьезно. Сейчас можно иронизировать по поводу «мистики цифр», которая тревожила власть в год столетия революции, однако, если верить некоторым нашим информантам, то некоторые влиятельные чиновники явно желали, чтобы юбилей революции закончился как можно скорее (об «исторической рифме» говорили, не сговариваясь друг с другом, и некоторые наши собеседники). Правда, неожиданно для многих Россия стала свидетельницей молодежного протеста (его в связи с юбилеем вспоминали некоторые наши эксперты). Но и отсутствие более крупных протестных движений власть могла оценить как политический успех юбилея: ничего не произошло, оппозиция юбилеем не воспользовалась. В

11. См., например: В. Волошина, «“Перемены начнутся в 2017 году”: Валерий Соловей о том, что может стать альтернативой двадцати годам стагнации», *Новая газета*, gazeta.ru/comments/2016/10/30_a_10293293.shtml, 30.10.2016 (доступ 16.09.2018).

рамках этой логики политически разумным для власти скорее было «недоиспользовать» столетие революции, чем «переиспользовать» его: последнее явно не принесло бы политических дивидендов.

И все же существуют другие причины, которые могут объяснить «невмешательство» властей. Общество ныне расколото почти пополам в оценках революции 1917 года и ее лидеров. Для власти, пытающейся создать максимальную базу поддержки, память о революции – в отличие от памяти о Второй мировой войне или памяти о космическом проекте СССР – не является «используемой», объединяющей. Поэтому – в отличие от руководства Русской Православной церкви, например, осудившего «интеллигенцию» за подготовку революции, – видные государственные деятели воздержались в 2017 году от определенных оценок деятелей революции, хотя такие оценки давались ранее. Так, президент В. В. Путин в прежние годы несколько раз негативно оценивал роль В. И. Ленина¹². Однако в юбилейном году он воздержался от таких оценок. Можно с уверенностью предположить, что накануне президентских выборов 2018 года было бы тактически неверно дразнить ту часть электората, которая положительно воспринимает роль Ленина, гордится революцией, ностальгически вспоминает СССР. На влияние подготовки к президентским выборам на юбилей 2017 года указывали и некоторые опрошенные нами эксперты. Тема истории революции не использовалась и во время тех местных выборов, которые состоялись в юбилейном году – и для местных политиков, борющихся за голоса избирателей, память такого рода не была «используемой».

Взятые нами интервью свидетельствуют о том, что в 2017 г. не появились такие тексты, визуальные образы, ритуалы, выставки, фильмы, которые бы символизировали «для всех» юбилей революции. Опрашиваемые нами эксперты нередко называли проекты «своих» – людей культурно близких или/и разделяющих их политические взгляды. Так, например, многие активные интернет-пользователи были осведомлены об интересном и популярном интернет-проекте М. Зыгаря «Свободная история», о дискуссиях, связанных с этим проектом. Но некоторые наши собеседники, не вовлеченные в социальные сети (особенно те, кто не имел Facebook-аккаунта), о нем не знали. Порой мы можем говорить о предпочтениях, являющихся проявлением профессионального интереса и/или профессиональной солидарности. Так, одни информанты (как правило, имеющие

12. «Наша страна проиграла эту войну проигравшей стороне. Уникальная ситуация в истории человечества!.. И это результат национального предательства тогдашнего руководства страны», Ответы президента РФ на вопросы членов Совета Федерации, Официальный сайт Президента России, kremlin.ru/events/president/transcripts/deliberations/15781, 27.06.2012 (доступ 16.09.2018); «...пора твердо сказать: [...] не будет ни революций, ни контрреволюций», Послание Президента РФ Федеральному собранию, kremlin.ru/events/president/transcripts/21216и, 03.04.2001 (доступ 16.09.2018). См. также негативную оценку Ленина как создателя СССР в выступлении В. Путина в январе 2016 года: gazeta.ru/politics/2016/01/21_a_8034437.shtml (доступ 16.09.2018).

профессиональные связи с музеями) называли выставку в Эрмитаже, а другим понравилась более выставка в Третьяковской галерее. Некоторые опрашиваемые нами эксперты упоминали биографию Ленина, написанную Л. Данилкиным, другие о ней не знали, и почти никто – за исключением литературных критиков и директоров книжных магазинов – эту книгу не читал. Никто из наших собеседников, однако, не мог назвать общественно важную дискуссию, которая была бы посвящена революции и памяти о ней. Тем самым молчаливо признавалось, что даже названные ими, запомнившиеся проекты не были полностью успешными, ибо общественно значимых споров они не вызвали. Очевидно, отмеченная фрагментарность, мозаичность памяти о юбилее и может быть объяснена отсутствием подобных дискуссий. Общим в памяти о юбилее является то, что, как уже отмечалось, все наши информанты указывали на центральную роль государства, оценивая его по-разному. Между тем, вряд ли отсутствие новых ярких, «известных всем» произведений искусства можно объяснить запретами властей или недостаточной государственной поддержкой. Вернее было бы объяснить это слабым интересом современных писателей и художников, той среды, в которой они обитают, к теме революции и гражданской войны. Очевидно, они не чувствовали соответствующего запроса со стороны своей аудитории и со стороны потенциальных заказчиков. В то же время, многие информанты отмечали отсутствие переосмысления этого события: «нечего сказать», «не появилось новых слов», «нет новых смыслов». Вряд ли в отсутствии «слов» и «смыслов» можно обвинять лишь государство, вернее было бы предположить, что интеллектуалы разных взглядов и разных специализаций не смогли предложить такую интерпретацию революции, которая была бы интересна читателю XXI века.

Представление о ведущей роли государства в реализации мемориальных проектов, однако, вовсе не свидетельствует о том, что действия или бездействие представителей власти эксперты считают главной или основной причиной «неиспользования» юбилея. Большая часть опрашиваемых говорила об общественном сознании как о своеобразной рамке, влиявшей на организаторов мемориальных проектов, в том числе и на государственные органы.

Рамки общественного сознания

В некоторых интервью звучала мысль о том, что история революции не вызывает интереса у многих россиян, прежде всего у молодежи. Даже в тех случаях, когда они читают о революции, смотрят телевизионные передачи и фильмы, их отношение к революции не является эмоционально окрашенным. История 1917 года остается «всего лишь» историей. Об этом отсутствии «горячего» интереса к истории революции писали и исследователи юбилеев: так, по данным одного из исследователей, молодежь

более интересуется историей Второй мировой войны, чем историей революции¹³. О том же говорил в беседе с нами и один из наших информантов (муж., историк, 35 лет): молодые люди, участвующие как волонтеры в поиске и публикации личных дневников, не проявляют особого интереса к истории революции.

Проблема «горячей» и «холодной» памяти¹⁴ о революции возникала и в связи с некоторыми вопросами опросов общественного мнения, которые и мы задавали в своих интервью с экспертами. Мы, например, спрашивали во время интервью о том, какой могла бы быть их позиция во время революции и гражданской войны. Мы также спрашивали о политической позиции предков наших собеседников, которую они занимали в 1917 году. Во многих случаях наши информанты не отождествляли себя со своими предками, с той позицией, которую они занимали во время революции, им ближе другие политические акторы той эпохи. Потомки комсомольцев первого призыва оказываются порой поклонниками П. Н. Милюкова, сторонниками либералов, их идеологическая генеалогия не связана с историей семьи. Возможно, отсутствие ощущения такой личной, семейной связи с историей революции влияет на «температуру» эмоционального восприятия этого исторического события. Правда, среди опрошенных нами экспертов не было потомков эмигрантов «первой волны», не было среди них и потомков казаков. Возможно, что восприятие революции и гражданской войны в этой среде было бы иным, более личным (о существенных различиях в региональной памяти о революции и гражданской войне говорили и некоторые эксперты).

Во многих взятых нами интервью звучала и мысль о том, что жители России не очень много знают о революции. Опросы общественного мнения подтверждают такое суждение. Например, в 2007 г., когда 90-летняя годовщина революции отмечалась сравнительно широко, 15% опрошенных сказали, что ничего не слышали о Февральской революции. Однако и больше половины тех, кто «слышали» или «знают», не смогли назвать ничего, что пришло бы им в голову в связи с этим событием. Из ответов примерно 10% респондентов стало очевидно, что в их памяти слились события всех революций начала XX в., не только 1917 г., но и революции 1905 г. Большая часть ответов была крайне неопределенной, суждения, ассоциации, более или менее относящиеся собственно к Февральской революции, к событиям и персонам того периода, высказали лишь 10% опрошенных, и это был лишь самый общий перечень фактов, содержащийся еще в советских школьных учебниках и пропагандистских изданиях¹⁵.

13. Алексей Антошин, «100-летие революции на Среднем Урале», *Революция-10...*, с. 529-530.

14. Термин используется Я. Ассман: J. Assmann, *Cultural Memory and Early Civilization: Writing, Remembrance, and Political Imagination*, Cambridge, Cambridge University Press, 2012 [Germ. *Das kulturelle Gedächtnis...* Munich, 1992], p. 51-55.

15. «Февральская революция: 90 лет без монархии», *ФОМ*, wciom.ru/index.php?id=236&uid=116396, 22.02.2007 (доступ 16.09.2018).

Ситуация с памятью об Октябрьской революции отличается в лучшую сторону, но не слишком значительно. За последние годы межпоколенческий разрыв в уровне исторических знаний россиян углубляется¹⁶. При этом знания недавних выпускников школ парадоксальным образом значимо хуже, чем у тех, кто получал среднее образование три и более десятка лет назад. Это не мешает гражданам России иметь очень определенные оценки событий революционного времени, на которые довольно сложно повлиять.

Наконец, почти все опрашиваемые нами эксперты заявляли, что в отношении россиян к юбилею проявляется отрицательное отношение к революции как к общественному явлению и к возможности революционных изменений в России, хотя люди, отвергающие революцию в будущем, при этом совершенно по-разному оценивают революцию 1917 года. Некоторые эксперты сами использовали термин «антиреволюционный консенсус» для характеристики общественного мнения России, а другие согласились с таким описанием этого явления, когда оно предлагалось нами. Лишь один опрашиваемый нами эксперт (общественный деятель, психолог по образованию) не согласился с подобной характеристикой. Опросы общественного мнения также фиксируют, что начиная с середины 1990-х годов в стране нарастали антиреволюционные настроения. Эти настроения объединяют людей самых разных взглядов, их носителями являются и сторонники президента В. В. Путина, и его оппоненты и противники. Даже некоторые участники протестных акций 2017 года говорили о том, что своими действиями они пытаются предотвратить революцию¹⁷. Это вовсе не значит, что революция в России невозможна, но маловероятно, что в грядущих конфликтах будет использован ресурс богатой российской революционной традиции и развитой культурной памяти о революции. В этом отношении утверждение о том, что власть не использовала юбилей, не является вполне точным: столетие революции стало знаком распространения антиреволюционных настроений, пожалуй, такие настроения во время юбилея даже возросли. Это состояние общественного мнения является важным политическим ресурсом для власти. На это справедливо указывает культуролог И. Калинин:

[...] существующий в обществе антиреволюционный консенсус [...] делает борьбу с якобы существующей революционной угрозой удобным и эффективным инструментом политической борьбы с оппонентами и мобилизации общества в поддержку режима¹⁸.

16. «Столетие революции», Фонд «Общественное мнение», fom.ru/Proshloe/13829, 5.11.2017 (доступ 16.09.2018).

17. См., например: М. Мацкевич, «Что оказалось неожиданным в опросе фокус-группы молодых людей, выходящих на митинги», online812.ru/2017/04/11/011/, 11.04.2017 (доступ 16.09.2018) ; А. Мухин, «Фокус-группы митингующих», *Город 812*, 2017, № 7 (362), с. 8-11.

18. И. Калинин, «Призрак юбилея», *Неприкосновенный запас*, №1 (111), 2017, с. 19.

Следует только отметить, что использование этого инструмента невозможно монополизировать: при известных обстоятельствах он может быть использован и против власти. История (в том числе история Российской революции 1917 года) знает такие примеры – некоторых представителей власти тогда обвиняли в намеренном провоцировании революции. Страх перед революцией может способствовать ее приходу. Отсутствие согласия по поводу революции как исторического события сосуществует с «анти-революционным консенсусом», отвергающим революцию как сценарий будущего.

Опрошенные нами эксперты согласны с тем, что юбилей революции не был использован государством и обществом. Об этом писали и некоторые исследователи, изучавшие юбилей. Тезис о «неиспользовании» юбилея подтверждается и опросами общественного мнения: жители России довольно быстро забыли 100-летнюю годовщину революции. Мероприятия, которые должны были способствовать развитию культурной памяти о революции, быстро забываются.

В отношении же причин подобного «неиспользования» и среди исследователей, и среди опрашиваемых нами экспертов существуют разногласия. Некоторые склонны объяснять «неиспользование» тем, что государство отстранилось от юбилея, хотя и не ограничивало деятельность историков, журналистов, режиссеров, музейных работников и пр. Некоторые проекты таких «пользователей юбилея» даже получали государственное финансирование.

Можно согласиться с тем, что государство не считало юбилей пригодным к «использованию». Пожалуй, дискуссионным остается вопрос о причинах подобного «неиспользования».

Вместе с тем и отсутствовал большой общественный запрос на «использование» столетия революции, государство не ощущало соответствующего давления со стороны оппозиции, гражданского общества. Не было создано такой ситуации, когда государство просто не могло бы не реагировать на какие-либо общественные инициативы. Память о революции воспринималась как «не подлежащая» использованию не одним только государством.